

УДК 94 (395)

Дударев Сергей Леонидович

СКИФСКИЙ РАССКАЗ ГЕРОДОТА: НОВЫЕ ШТРИХИ ПРОЧТЕНИЯ

В статье анализируется исследование украинских ученых В. Ю. Мурзина и С. В. Петкова, рассматривающих события скифской истории в изложении «отца истории» Геродота. Позитивно оценивая работу данных специалистов, автор обращает внимание и на иные возможности трактовки текста Геродота, особенно в части тех или иных скифских ритуалов, связанных с ментальностью народов доиндустриальной эпохи.

Ключевые слова: скифы, «История» Геродота, «царство Ишкуза», Боспорское царство, Большая Скифия, Атей, этногеография Скифии, скифо-персидская война, харизма.

Dudarev Sergey L.

HERODOTUS SCYTHIANS HISTORY: DETAILS OF NEW READING

The article analyzes the study of Ukrainian scientists V.Y. Murzin and S.V. Petkov, considering the events of Scythian history as presented by the «father of history» Herodotus. Appreciating the work of these experts, the author draws attention to other possible interpretations of the text of Herodotus, especially in terms of certain Scythian rituals associated with the mentality of the peoples of the pre-industrial era.

Key words: Scythians, «History» Herodotus, «the kingdom Ishkuza», Bosporan Kingdom, Great Scythia, Atey, Ethnogeography of Scythia, Scythian Persian war, charisma.

Литературы, написанной о скифах, поистине огромное количество. И найти в ней свою, пусть и небольшую нишу, весьма сложно. Для этого нужно быть знатоком проблем скифской истории и археологии. И забегая вперед, нужно сказать, что авторы принадлежат к числу таковых. И это в первую очередь, следует сказать о таком авторитетном украинском специалисте в области скифоведения, как доктор исторических наук Вячеслав Юрьевич Мурзин. Его более молодой коллега, д-р юрид. наук Сергей Валериевич Петков, оказался достойным компании видного скифолога. Им удалось написать интересную работу (В. Ю. Мурзин, С. В. Петков. Скифы: предания и легенды о народах Северного Причерноморья, рассказанные первым историком Геродотом, и их краткий комментарий. Запорожье, 2012. – 148 с.), которая имеет свои «изюминки». Именно о них мы и поговорим в нашей статье.

То, что монография написана двумя вузовскими профессорами, вполне объяснимо. Интерес к скифской проблематике стабильно высок среди молодежи, прежде всего студенчества, в силу романтики, связанной с образом скифов. В то же время, авторитет, харизма, обаяние прошлого этого древнего народа давно привлекают внимание народов Кавказа, особенно в осетинской среде. Не случайно во время последней переписи населения в России ряд респондентов идентифицировали себя как «скифов». Все эти обстоятельства делают вышедшее новое исследование по истории древнего народа, кстати, уже снискавшее известность и даже славу, весьма актуальным не только для Украины, но и для России, особенно для Северного Кавказа. Наш интерес к новому изданию можно объяснить еще и тем, что к мировой истории через скифскую историю причастны и жители обширных регионов Восточной и Юго-Восточной Европы, обитавшие в раннем железном веке. Тесная связь кочевого и оседлого населения Северного Причерноморья, Кавказа и других территорий Евразии с цивилизационными центрами Запада и Востока в древности всегда привлекала пристальное и глубокое внимание нашего общего учителя В. Б. Виноградова [1, с. 9, 2; с.14, 3; с. 7]. Это направление научных исследований привлекло к себе еще со студенчества и внимание автора данной статьи, который уделил ему немалую часть своей научной жизни [4-6]. Закономерно то, что в начале 1990-х гг. стремление руководителя «Кавказоведческой Школы» и его учеников рассматривать явления отечественной истории в мировом контексте воплотились в создании ими новой периодизации всемирной истории, основанной на интеграционно-событийном принципе [7, с. 126–135; 8].

Уже во вводной части книги «Краткая история скифов» читатель может воочию убедиться в том, что жизнь Северного Причерноморья с древних времен была прочно интегрирована в этнополитические события не только Циркумпонтийского ареала, но и более удаленных территорий. Это касается как поисков прародины индоевропейцев, так и собственно скифов. Скифский мир, раскинувшийся до пределов древнего Китая, впитал в себя множество культурных элементов, которые кочевники передавали на огромные расстояния. Авторы, несомненно, правы, говоря о том, что

именно на скифском этапе произошли качественные изменения в развитии древнего населения Украины, когда между собой стали вступать в сложные и плодотворные контакты местные представители различных хозяйственных укладов, жившие в степи и лесостепи, и представители античной цивилизации, распространившиеся практически по всему северному побережью Черного моря. И это способствовало появлению таких народов Восточной Европы, как скифы (а еще раньше киммерийцы, которые почему-то не упомянуты нашими коллегами в своей монографии) на страницах мировой истории, прежде всего в знаменитой «Истории» Геродота, чей научный и человеческий подвиг, отмеченный В. Ю. Мурзиным и С. В. Петковым, несомненно, весьма значителен. Впрочем, это касается не только Украины. Племена, жившие, например, на территории Кубани – меоты и синды, а также племена кобанской культуры, жившие к востоку и юго-востоку от них, также вступают в тесные связи со скифами. И происходит это в период знаменитых скифских походов в Переднюю (Западную) Азию, в ходе которых в степях Предкавказья возникает «царство Ишкуза» – ассирийских источников. В обосновании локализации этого государственного образования скифов именно к северу от Главного Кавказского хребта значительную роль в свое время сыграли работы одного из авторов рассматриваемой книги – В. Ю. Мурзина. Впрочем, его исследования сыграли свою положительную роль и для понимания другого важного феномена истории Юго-Восточной Европы – перемещения политического центра Скифии с Северного Кавказа в Северное Причерноморье. В тексте рассматриваемой книги об этом скромно умалчивается, но именно В. Ю. Мурзин убедительно показал еще в 1980-х гг., что «Нижнее Поднепровье становилось центром притяжения для кочевых племен, стремившихся установить свой контроль над торговым обменом между хлеборобами Поднепровья и греческими колонистами» (с.17; здесь и далее в круглых скобках даются номера страниц книги В. Ю. Мурзина и С. В. Петкова). Именно возможность взимания дани с покоренных племен послужила серьезным фактором для социальной дифференциации внутри скифского общества, верхушка которого утверждала свой статус с помощью престижных атрибутов, изготовленных в мастерских Северного Причерноморья работавшими на заказ греческими ювелирами. Страницы политической истории Боспорского царства и тесно связанного с ней скифского политического объединения, прослеженные во введении и в принципе, широко известные в историографии, заканчиваются любопытными наблюдениями авторов, связанные с крахом Большой Скифии. Они верно подчеркивают как роль климатических и антропогенных факторов (усыхание степей, вытаптывание травяного покрова стадами и т. д.), что, впрочем, известно нам также и из давних работ С. В. Полина [9], и приходят к выводу, что Скифия представляла собой «сегментную структуру», «пирамидальное» образование, напоминающее организацию власти в СССР, когда «контроль вершины над нижестоящими сегментами обычно достаточно слабый» (с. 25). При этом, по мнению авторов, пирамидальные структуры имеют «суицидальный характер», поскольку им изначально присуща центробежность, а их единство зиждется на харизматическом авторитете вождя, каковым, например, был столетний Атей. Интересно, что В. Ю. Мурзин и С. В. Петков считают, что после гибели Атея его преемники вскоре умерли один за другим, что как будто говорит об их преклонном возрасте. На это указывает, как полагают авторы, хронологическая близость курганов скифских царей второй половины IV в. до н.э. По аналогии напрашивается сравнение с СССР, к которому не прибегли В. Ю. Мурзин и С. В. Петков, когда после смерти Л. И. Брежнева друг за другом вскоре ушли из жизни и два других руководителя государства. Интерес авторов к исследованию характера интеграционных и дезинтеграционных процессов в кочевой среде оправдан и справедлив, в чем ученым хочется пожелать дальнейших успехов и одновременно обратить внимание на то, что в истории Евразии известен и ряд других «кочевых империй» скифского времени, созданных ранними кочевниками, чей опыт также должен быть представлен на страницах будущих работ уважаемых украинских коллег.

После вводной части следует небольшой очерк, посвященный воинам Скифии. Он касается особенностей конструкции скифских луков и стрельбы из них, защитного вооружения, техники отливки стрел, украшения коней и особенностей их тренинга и многого другого. Представленный этюд археологически и исторически весьма достоверен, демонстрирует тонкое знание авторами научного материала и опирается на разработки ведущих скифологов, в том числе, замечательного ученого Е. В. Черненко [10–12]. В то же время у нас есть и определенные замечания к авторам. Появление скифов в степях Восточной Европы относится ими к началу VII в. до н. э., но так думают не все исследователи [см., например, 13, с. 281]. По мнению В. Ю. Мурзина и С. В. Петкова, такие

понятия как «Бог» и «Царь» имеют индоиранские языковые корни. Заметим, что понятие «Царь», несомненно, имеет семитические корни, восходя к ассиро-вавилонскому «Sharru».

Далее следует основной раздел в книге, именуемый «Описание скифов и их соседей в «Истории» Геродота. А после него помещены авторские комментарии к «Истории» Геродота. Есть смысл рассматривать оба раздела вместе. Дело в том, что при прочтении «Описания» у нас возникли собственные комментарии к нему, которые дополняют сделанные В. Ю. Мурзиным и С. В. Петковым.

При повествовании о военных обычаях скифов Геродот отмечает, что как бедные, так и богатые скифы хранят особым образом обработанные черепа врагов, которые используют в качестве пиршественных чаш. «Коллекция» таких черепов выставляется напоказ хозяином при посещении его почетными гостями. В примечании 71 авторы указывают на то, что подобные обычаи существовали в средневековье у болгар и печенегов. Примечателен и обычай исседонов (с. 77), который очень близок описанному и касается хранения черепа предка, выполняющего роль священного кумира, которому приносятся жертвы¹. Авторы, передавая описание Геродотом обычаев тавров, приводят сведения «отца истории» о том, что отрубленные головы пленников, выставленные на длинных шестах над дымоходом, считались своеобразными стражами всего дома. На наш взгляд, указанные тавро-скифские практики являются однопорядковыми и весьма архаическими. Хранение черепов скифами напоминает нам близкий обычай у некоторых первобытных племен Юго-Восточной Азии, охотников за черепами, указывающий на существование веры в особую «ману» покойного, которой хозяин «коллекции» хотел бы обладать. Подобное отношение к останкам могущественного врага прослеживалось в средние века и у более развитого населения того же региона. Например, когда во время стычки с местными племенами пал Фернандо Магеллан, то его тело было расчленено и похоронено в различных местах острова, для того, чтобы таким образом «охранять» его. Дж. Фрэнсер ссылается на свидетельство известного арабского путешественника X в. Ибн Хаукаля, который описывал обряд вызывания дождя в Персии с помощью костей пророка Даниила, которые жители города Суса доставали из гробницы всякий раз, когда нужно было просить о прекращении нужды и голода, связанного с засухой. У другого арабского географа речь идет о том, что хазары извлекали гроб погибшего в битве с ними принца Сельмана, для того чтобы обеспечить дождь своим полям [14, с. 93]. Во всех этих случаях речь идет нередко не о простом умершем, а о предке, знаменитом вожде, и т. п., т. е. человеку с определенной (и притом весьма сильной) харизмой. Останки предка или знатного человека гарантировали благополучие своего (и, как видим, чужого) социума, обеспечивали связь с потусторонними силами, являлись подателями благ, были связаны с культами плодородия. Думается, что у скифов, тавров и других древних народов (например, носителей кобанской культуры, о чем свидетельствуют изображения на бронзовых поясах из Тли) [15, с. 131, 133; рис. 99–100] также существовало своеобразное почитание поверженного врага, а также умершего предка, имевшего свою «харизму», вера в сверхъестественную силу его останков. Но подоплека снятия голов врага и их хранения у победителя имеет, вероятно, и иной смысл, дополнительно мотивировавший подобные действия. Этнографические материалы, касающиеся кавказских горцев (тушины), указывают на то, что «умыкание» составляющих физических тел врагов подрывало жизненные (и боевые) силы противника как такового – «лишение тела «чу-жака» руки и головы уменьшало его силу» [16, с. 308].

Весьма близко к описанным обычаям находится и другой скифский обычай – тризны, широко известный ученым, археологам и историкам, из труда Геродота (с. 63) – ритуальное путешествие набальзамированного тела царя (вождя), перед тем, как предать его погребению, от племени к племени, которые при жизни были под его властью. Смысл такого «вояжа» состоит, полагаем, в сакральном посмертном «полюдь», которое означало своеобразное освящение территории царства, ее охрану, и было залогом благополучия такового.

Касаясь непосредственно специальных авторских «Комментариев к «Истории» Геродота», то сведения, приводимые в них относительно истории киммерийцев и происхождения скифов, относятся к числу устоявшихся и давно апробированных в исторической науке (за исключением, пожа-

¹ По поводу указанного обычая исседонов авторы по непонятной причине отмечают, что рассказ об убийстве массагетами и исседонами стариков вряд ли заслуживает доверия. Но, во-первых, об убийстве стариков у Геродота речь идет применительно только к массагетам (с. 81). Во-вторых, ритуальное убийство стариков – это тоже древнейшая архаическая практика, отголоски которой, в принципе, могли встречаться в эпоху раннего железа.

луй, того, что авторы не упоминают об урарто-киммерийской войне, закончившейся поражением могущественного древневосточного государства). Более того, происхождение скифского этноса дается В.Ю. Мурзиным и С.В. Петковым согласно получившим давнюю известность и определенное признание убедительным построениям В.Ю. Мурзина (где, в частности, большую роль играют его рассуждения о формировании «триадной» организации скифского кочевого общества, имеющей аналогии во многих более поздних кочевых образованиях). Что же касается истоков появления скифов в Европе, то оно возводится к мнению такого классика отечественного скифоведения (безотносительно современного политического деления на Украину и Россию), как киевский ученый, профессор А. И. Тереножкин [17], который был убежден в приходе скифов из глубин Азии. В то же время, говоря о том, что, хотя авторы в рассматриваемой книге стоят на давно определенных, наработанных авторитетных позициях, безусловно, имеющих право на существование, небезынтересно было бы привести для читателя, особенно молодого, и ссылки на оживленные дискуссии по киммерийско-скифской проблематике, которые прошли в 1990-е гг. прошлого столетия [18; 19, с. 64–82], а также те или иные наиболее важные статьи и монографические исследования, написанные в ее русле, которые появились в 2000-е гг., в том числе и те, которые в чем-то подкрепляют умозаключения В. Ю. Мурзина и С. В. Петкова [20–22; и др.].

Авторы уделили определенное внимание и таким вопросам, как климат Скифии и ее этногеография. Здесь они, например, демонстрируют уверенное знание местных геоклиматических условий, реконструируемых на основе письменных, фольклорных и т.д. источников, и приходят к интересному выводу о том, что такая деталь, как упоминание в «Географии» Страбона передвижений кочевников именно за своими стадами, а не как-то иначе, имеет подлинно этнографический характер, поскольку стада должны были, по сути, пробить, протоптать для людей и их кибиток путь в высокой траве. Наконец, в заключительной части «Комментариев» рассматривается эпизод борьбы Дария I со скифами. Он имеет самостоятельное научное значение, несмотря на наличие, например, великолепной монографии ныне покойного профессора Е. В. Черненко «Скифо-персидская война» [23]. Авторы стремятся выяснить реальные силы скифов, и приводимые ими цифры представляются нам вполне реальными. Оправданным является и сравнение «стратегии не прямых действий» (или стратегического отступления), которую применяли скифы по отношению к армии Дария, с действиями армии М. И. Кутузова в 1812 г. (с. 142).

Подводя итоги сказанному, следует отметить то, что монография В. Ю. Мурзина и С. В. Петкова является итогом глубокого продуманного анализа реалий скифской истории, опирающегося на знание разнообразных археологических, письменных и этнографических источников. Эта книга может получить практическую реализацию в научной и особенно вузовской среде Украины и России как пример заинтересованного отношения к прошлому своего Отечества, что, несомненно, послужит воспитанию молодого поколения в духе патриотизма и любви к родной истории.

Литература

1. Кавказовед В. Б. Виноградов в изучении зарубежной истории. М. – Армавир, 2006. 36 с.
2. Историк-кавказовед Виталий Борисович Виноградов (штрихи к профессиональному портрету). М. – Армавир, 2006.
3. Краткая летопись жизни и деятельности Виталия Борисовича Виноградова (р.5.04.1938 г.). М. – Грозный, Армавир, 2008.
4. Дударев С. Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991.
5. Дударев С. Л. К проблеме взаимодействия племен Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху. Армавир, 1995.
6. Дударев С. Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999.
7. Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Нарожный Е. И. Основные этапы всемирной истории. Методический материал // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1995. № 5.
8. Основные этапы всемирной истории. Учебное пособие / под ред. В. Б. Виноградова и С. Л. Дударева. Армавир, 2009.
9. Полин С. В. От Скифии к Сарматии / отв. ред В. Б. Виноградов. Киев, 1992.
10. Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев: Наук.думка, 1968.
11. Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев: Наук. думка, 1981.
12. Черненко Е. В. Военное дело скифов (вооружение, тактика, стратегия): дис. ... д-ра истор. наук. Киев, 1988.

13. Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб: Изд-во ГЭ, 2003.
14. Дж. Дж. Фрэзер. Золотая ветвь. Дополнительный том. Исследование магии и религии. «Рефл-бук», «Ваклер», 1998.
15. Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М., 1977.
16. Карпов Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. Спб.: Петербургское Востоковедение, 2007.
17. Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
18. Лит. см.: Дударев С. Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху.
19. Международный «круглый стол» «Ранние скифы и культура». Дискуссия // ВДИ. 1994. № 1.
20. Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и Древний Восток. М.: Наука, 1992.
21. Ковалев А. А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеография и палеодемография Евразии. М.: Геос, 2000.
22. Гутнов Ф.Х. Ранние скифы. Очерки социальной истории. Владикавказ: Институт цивилизации, 2006.
23. Черненко Е.В. Скифо-персидская война. Киев: Наук. думка, 1984.

УДК 130.2

Ерохин Алексей Михайлович, Каширин Валерий Иванович

«ВЕТВЛЕНИЕ» ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА И ВОСТРЕБОВАННОСТЬ ГУМАНИТАРНОЙ КРИЗИСОЛОГИИ КАК МЕТАТЕОРИИ И ФИЛОСОФИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

В статье показано, как растет потребность в осмыслении кризисов как специфического социального феномена. Кризисология превращается из исторической науки в политико-философскую теорию глобальных последствий кризисов, которые все более приобретают гуманитарный характер.

Ключевые слова: гуманитарная кризисология, метатеория, философия социальных наук, диалектико-триалектическая методология.

Erokhin Aleksey M., Kashirin Valeriy I.

«BRANCHING» OF WORLD CRISIS AND GREAT DEMAND OF HUMANE CRISISOLOGY AS A METATHEORY AND SOCIAL SCIENCES PHILOSOPHY

The need for judgments of crises as a specific social phenomenon grows. Crisisology turns from the historical science into the political and philosophical theory of global consequences of crises which gain more and more humanitarian character.

Key words: humane crisisology, metatheory, social sciences philosophy, dialectic and trialectic methodology.

Актуальность гуманитарной кризисологии как метатеории и философии социальных наук отчетливо прослеживается в крепнущем убеждении аналитиков, что ядро глобалистской и российской кризисной проблематики перемещается из финансово-экономической в политическую, социальную, духовную, культурно-психологическую сферы, включающие мировоззрение, характер мышления, цивилизационное творчество. Идет процесс «ветвления» глобального экономического кризиса. Именно этот процесс, на наш взгляд, является сущностной характеристикой, определяющей его «затяжной» характер во времени (начиная с 2008 года) и колоссальные антигуманные последствия в глобальном пространстве и отдельных его частях: ЕС, АТС, БРИГС, а также в России, Китае, Украине, Греции и других регионах мира. Становится все очевиднее, что глобальное геоэкономическое пространство, созданное США с помощью крупных монополий и долларового господства, превращается в «поскутное одеяло» прикрывающее их бессилие отчаянными военными и информационными агрессиями. Процесс «ветвления», таким образом, все рельефнее выделяет пространственную горизонталь «расползания» кризисных явлений в мир-системе, с одной стороны, и векторно-временную, духовно-кодую вертикаль хаотического смешения прошлого и будущего в настоящем, с другой.

Но как же отследить в этом процессе плохо уловимый «шум леса», который иногда называют объективными условиями, а иногда субъективной информационной средой, от реальных антикри-